

Триста лет – кузбасский путь,
Многотрудный, неизбывный.
Триста лет – не как-нибудь! –
Вал героики былинной...

Нет, до них не пустовал
Край Кузнецкий, дикий, лютый.
Скиф металл в нём добывал,
Били зверя телеуты.

Шорцы с бубном у костров
Духов звали и камлали.
А кыргызы, множа вдов,
Всем покоя не давали.

Но с Руси пришёл казак,
Вдоль Томи возвёл остроги.
И племён таёжных враг
Позабыл сюда дороги.

Правду знали казаки,
Хоть ясак и собирали,
Берегли людей тайги
И осваивали дали.

I

По тайге бредёт казак.
Вёрст премного до острога.
Весь запас воды иссяк,
Но внизу струя с отрога.

137

Ах, водица... Плеск чудес...
А вокруг кровавик-камень.
То руда: железо есть,
Хоть гребни его руками.

Вышел снова на заре,
Слез в ущелье, влез на кручу,
На горелой был горе,
Камень там сыскал горючий.

И не знал тогда казак,
Что быть граду в этом месте,
Что прославит отчий флаг,
Будет всей земле известен.

Минул век, как по тайге
Хаживал Михайло Волков.
И опять к Томи-реке
Движет цепью издалёка

Изыскательский отряд
С казаками и конями.
Третий день идёт подряд
За учёными мужами.

II

В голове – Пётр Чихачёв,
Знатный, признанный профессор.
Обойти весь мир готов
Гор знаток, ревнитель леса.

С Барнаула через Бийск
И верховья речки Чуя,
Презирая всякий риск,
Шёл он, в холоде ночуя;

Испекаясь на огне
Поднебесных перевалов,
И Алтай познал вполне
С жизнью гор и минералов.

Пополняя свой отряд,
Брёл к низовьям Чулышмана.
Проводник иной не рад
Был знакомству с «атаманом».

Рыхлы все профессора,
Ну а этот что двужильный.
За горой опять гора...
Тут натужится и сильный.

Мужикам взбрело сбежать,
Встали, как для рыбной ловли,
Глядь – обузки-то лежат
У «папаши» в изголовье.

«Ну профессор, ну хитёр.
А по виду-то степенней...
Всё прознал и нос утёр.
И притворно спит с сопеньем...»

Петр Николаевич Холодковский

Но порой был золотым
Неотступный Пётр Саныч.
Где стоял купецкий дым
И пиво кипело в чане,

Он давал денёк-другой
Погулять, попеть, подражаться
С деревенскою гурьбой
Погрустневшим рудознатцам.

III

Погуляли – и вперёд
Через горы и долины.
К Чулышману вышли вброд,
Обходя болот трясины.

Почва в стланике и мхах
Вся опасно пузырилась,
А в ползучих облаках
Будто молния искрилась.

После тяжкого пути
Подарил Господь долину.
Всё спешило расцвести,
И весна плыла лавиной.

«Боже мой, как хорошо! –
Говорил в Петре художник,
Воспарял, летел душой
И молился – не безбожник. –

Стоит век не знать покой,
Обходиться пищей пресной,
Чтоб упиться красотой
Розы Гмелина прелестной,

Светлой статью тополея
И безумным многоцветьем.
Тут приют не для царей –
Для богов долины эти...»

Добродушно, широко
Встретили гостей алтайцы,
Дали им коней легко –
Обошлось без декламаций.

С табуном во сто коней
Легче по горам скитаться
С образцами из камней.
«Вашим юртам мир, алтайцы».

IV

Чулышман – река в крестах:
Поискрученное русло,
Переправа на плотах.
Конь погиб... И было грустно.

Вышли на Улуулдук –
Водный донор чулышманский.
Дико всё вокруг. И вдруг
В нише скал – уют шаманский.

Осмотрели: уголь, шлак,
Брус железный, молот, ножик,
А в углу, где сущий мрак,
Спрятаны меха из кожи –

Те, которые кузнец
Напрягает часто, сильно,
В горне деля сырец.
«Это ж кузница-плавильня!»

Отыскался и рудник,
Где железиста порода.
«Для неё настанет миг:
Будет нужной для завода.

Речкой вывезут руду
И расплавят в жаркой домне.
Всё сгодится, что найду.
Сей поход навек запомнят».

Изучив бассейн Чульчи,
Перешли через болота.
Абаканские ключи
Отыскались без заботы.

В них большой реки исток,
Устремлённой к Енисею...
«Вот и кончился виток
Трансальтайской эпопеи.

Хорошо прошли Алтай:
Время до зимы осталось.
И теперь – в Кузнецкий край,
Как хотелось, как мечталось...»

V

Бодро движется отряд,
Отдохнувший «на перинах».
За спиной село Итат,
Впереди Тисуль старинный.

Выше, выше по холмам –
К самому водоразделу:
Енисей – с восхода, там,
Обь – с захода в дымке белой.

Реже сосен череда,
А берёзы зачастили.
Приискатели всегда
Через этот край ходили.

Затерялись среди гор,
Но в тайге дорожки узки...
«Воскресенский» златотёр,
Златомойник «Берикульский»

Чихачёв не обошёл –
Оценил хозяйским глазом:
«С золотишком хорошо,
А условий нет ни разу.

Есть лопата и кайло,
Дом барачный, муравейный.
Лучше чистое село,
Чем за деньги согнуть мгновенно.

И с хозяев не спросить.
На рабочих, не кандалных,
Не хотят распространить
Всех богатств благоденья».

Как досадно понимать,
Что открытыя полевые
Для того, чтобы снимать
Этак сливки золотые.

Эти мысли долго спать
Не давали Чихачёву.
Он посмел их записать,
Чтоб учёл хозяин... новый.

VI

Поднялись на Берчикуль,
А с него ушли на Кюю.
Казачки-то начеку:
Медведей полно – лихие.

Снова прииски пошли
На Кузнецком Алатау.
Геологию учли,
Прописали по уставу.

На успешной стороне
Бивни мамонтов намыли:
«Это чудно, что оне
И стадами тут бродили».

Хорошо по сентябрю
Ночевалось в сытных сёлах.
Люди жили не в раю,
Но народ-то был весёлый.

Не болела голова,
Кухня вовсе не скудела,
Ну а добрая молва
Впереди всегда летела.

Вот и солнечный Кузнецк
В торжестве осенних радуг.
На Томи весёлый плеск –
Рыбакам одна отрада:

Язь, таймень, налим, чебак,
Стерлядь, хариус, сорога...
Плёс широкий, солнца лак,
Словно зыбкая дорога.

Воздух светел, свеж, здоров,
А дыма – из труб домашних.
Тыщи три всего дворов,
За дворами поле, пашня.

Правобережье красно
Крепостью на Воскресенке.
А острога нет давно,
За времённой скрылся пенкой.

VII

Вот и всё – зимой саднит...
Тут сентябрь неоднозначен:
То легко печёт все дни,
То, пахнув снежком, заплачет.

Для трудов наперечёт
И часы у Чихачёва,
Планы прежние не в счёт,
Он маршрут готовит новый.

«Близ Кузнецка этот Томск,
Вёрст полста до поселенья.
Тут железо словно воск.
Люди будто от рожденья

Знают, как живёт металл,
Чем душа железа дышит.
Здесь любой – «универсал», –
Так учёный и запишет. –

От добычи до болта
Тут проходит путь рабочий.
Каждый винтик – красота:
Чисто сделан, прочен, точен».

Да, понравился завод
Въедливому Чихачёву.

Всё прекрасно, только вот
Ни одной машины новой.

Технология стара:
На угле стоит древесном.
Ну а горный – у двора,
Про него в селе известно.

Томск учёный обошёл
Весь и с севера, и с юга:
«Уголь здесь как будто шёлк,
Очень качественный уголь.

Недр движенье тут свело
Всё, что нужно металлургу.
Это Томское село
К славе двинет всю округу».

VIII

А угля-то сколько тут?
Расширялся круг обзора.
Каждый день – тяжёлый труд:
С круч к Томи и снова в горы.

Всё потрогать, описать –
Документ вещей дороже.
Лучше часик не послать,
Всё учесть и подытожить:

«Уголь в нескольких местах
Подтверждается надёжно:
От кузнецких сёл в холмах
До реки Иня таёжной.

И район огромен сей.
Имя дал ему – Кузнецкий
Камнеугольный бассейн».
Имя ныне – в славе, блеске!

Знаки главные прочёл
И нарёк Кузбасс Кузбассом
Изыскатель Чихачёв –
Мэтр, не превзойдённый классом!

Слышатся его шаги
На курумниках кипящих
И на берегах реки,
Воду-память уносящих

За пределы наших лет,
Где бесценен дух героев...
Чихачёвский дерзкий след
Нам дыхание второе.

Тот, кто страстен, и во мгле
Лет и помыслов виднее...
Шёл географ по земле
И навек остался с нею!